

А. К. Салмин

УГОРСКАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ПРЕДКОВ ЧУВАШЕЙ (по данным лингвистики)

В конце III тыс. до н. э. начинается обособление угорских племен внутри финно-угорской группы. Как считают исследователи, именно с этого времени в угорском языке происходят изменения, которые не имели места в других родственных языках, в частности модификация фонетической системы, развитие грамматических категорий, появление собственно угорских слов [Хайду 1985: 195]. Несомненно, имеющие общие генетические корни народы, несмотря на разрыв длиной более чем 23 века, должны сохранить хотя бы малую часть сходных лингвистических черт. При внимательном исследовании такие общие черты действительно можно обнаружить.

Ряд исследователей идентифицирует сибирских предков чувашей с племенами сяньби. Так, Омелян Прицак писал, что около 150 г. н. э. *Hsien-pi/Säbirs/Sabart-oi* одержали победу над северными провинциями Китая, но в III столетии они сами должны были искать себе безопасное место, переселяясь на запад, в бассейн рек Обь и Иртыш (где ханты и манси живут до сих пор). Пока не будем рассматривать хронологические и пространственные несоответствия в исследовании Прицака и обратим внимание на следующее его предположение, согласно которому *Hsien-pi* (сяньби) долгое время оставались в бассейне Оби и Иртыша и дали этой территории собственное имя — *Сибирь*. Тут сяньби-сэбиры, как утверждал О. Прицак, вошли в симбиоз с местным населением, с их культурой, так что в дальнейших миграциях сохраняли их элементы долгое время [Pritsak 1976]. Такова точка зрения Омеляна Прицака и некоторых его предшественников.

С. К. Патканов полагал, что *себеры/сывыры* были родственны угорским племенам (сарагурам, оногурам и т. д.), проживавшим

прежде за Уралом, к югу от нынешних остяков и вогулов. Затем эти племена переселились в Европу [Патканов 1999: 16–18]. С. К. Патканов также напомнил, что о сабирах-уграх писал Проконий.

В Кондинской волости Тобольского уезда было поле, известное как *Sèbèr-jaç nêp* — ‘Кладбище народа *sèbèr*’. Среди березовских хантов бытовали варианты названия племени в форме *сабер*, *сапер*, *сопер*. Народ и земля (страна) назывались соответственно *Saber-mām* и *Saber-mu* [Patkanov 1900b: 264; 1900c: 340; 1901: 302, 439]. Весьма вероятно, писал С. К. Патканов, что сабары жили и на западных склонах Урала. В Кунгурском районе Пермской губернии есть д. Сабарка, а в Вятской губернии — Сабермугас. Согласно В. Н. Чернецову, близ Березова проживает род *сеныр*. Ханты различают *šebar-hul*, то есть ‘себарскую или мансийскую рыбу’. Эта же рыба имеет еще название *jogan-hul* — ‘речная рыба’ (= чуваш. *йухан пул*) [SUS: к. 54, л. 9; Patkanov 1900b: 265].

Термин *сипыр* возник как наименование этнической группы только в последних веках до н. э. Настало время, писала в середине XX в. З. Я. Бояршинова, отказаться рассматривать термин *Сибирь* как привнесенный извне монголами или русскими. «Этнической группой, носившей название “сипыр” (севыр, сабир), были предки древних угров, вступившие в длительное и сложное взаимодействие с другими этническими элементами Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [Бояршинова 1959: 106]. З. Я. Бояршинова совершенно права, и ее точка зрения не является новой в науке. Еще Бернат Мункачи писал, что «Сибирь», как и «Югра», «Пермь», «Вятка», «Болгар», «Муром», одновременно является и топонимом, и этнонимом [Munkácsi 1895: 349–387; Дмитриева, Адягаши 2001: 19]. В этот список, конечно, следует включить и «Сувар». Оставшиеся в Тобольском крае сипыры сильно ассимилировались, но сохранили свое название вплоть до XIII–XIV вв. У хантов и манси, писал С. К. Патканов, имеются имена собственные *Saber*, *Saper*, *Soper*. Как сообщили информанты этнографу Е. Г. Федоровой в экспедиции, в далеком прошлом были люди, которых называли *сатыр*. Это «таежные жители,

которые сначала были охотниками и рыболовами» [Федорова 1998: 129]. Среди хантов и манси бытуют фамилии *Сабарев*, *Себуров*, *Савилов*. На Ревдинском заводе (ныне — в Свердловской области) фамилию *Сувасов* носили помещичьи крестьяне [Мосин 2008: 648]. Кондинские остяки бывших жителей этой земли называли *sèbèr* и *sèbèr χadoχ* — ‘народ *sèbèr*’. Известны и другие варианты этого древнейшего этнонима — *šaper*, *šaber*, *šoper*, *saper*. Все они напоминают чувашское название Сибири — *Çèñèr*. В записях Антала Регули, сделанных близ Обдорска, находят название хантыйского рода *saber-mam* — ‘народ саберов’. Топоним *Суныр ма* в значении ‘Сибирь’ зафиксирован и в языке манси [Баландин, Вахрушева 1958: 95]. Йозеф Папай об этой же местности слышал как о *saber-mi* — ‘стране саберов’. С. К. Патканов писал: «Коренные жители прежней территории “Sibir” должны были, таким образом, назваться сабары (*sabaren*, *saparen*, *saberen*) и жить в Туринском, Тюлинском, Тобольском и Березовском округах Тобольской губернии» [Патканов 2003: 383].

Остяков прежде звали *ār-jaχ* — ‘племя *ār*’ или *χanda-jaχ* — ‘племя (народ) хант’ [Patkanov 1900a: 414, 426]. Оба слова можно перевести с помощью чувашского языка: *ār* — ‘мужчина, человек, люди’ + *йăх* — ‘племя, народ’. Общим для манси и чувашей следует считать слово со значением ‘дом’ — соответственно *kwäl* и *kil* [Munkácsi 1905: 184; Дмитриева, Адягаши 2001: 25]. Бернат Мункачи сюда же относил и удмуртское *kwala*. Конечно, сюда же следует включить и марийское слово *куала*. Б. Мункачи считал, что оно восходит к кавказским языкам и справедливо указывал на лезгин: *k’el*, *k’val*, авар. *k’al*, хазар. *kel* в значениях ‘дом, комната’. Желание венгерского исследователя найти предков непременно на Кавказе понятно. Однако он сам указал на наличие этого слова у манси и удмуртов, которые, как известно, не проходили кавказский маршрут вместе с савирами. При этом данное слово обозначало не просто обычный дом, а дом, где проводили родовые, общинные и племенные моления, — храм. Поэтому следует констатировать, что *кил* и его исторические, культовые и этимологические значения бытовали на юге Западной Сибири до нашей эры.

Многие слова и их значения теперь почти неизвестны и непоставимы. Так, вполне допустимо, что хантыйское *χот/χōт* в значениях ‘солнце, день, дом’ [Patkanov 1900a: 434–435] и чувашское *хот/хут* ‘топить’ когда-то были одним словом с определенной семантикой — ‘греть, топить’. Не случайно чувашаи и теперь говорят: *Пурт (мунча) хутса ярам-ха* — ‘Затоплю-ка я дом (баню)’. Другой пример. В хантыйском и чувашском языках есть одинаково произносимое и графически изображаемое слово *талай*. У хантов оно обозначает степь для вольного содержания табуна лошадей [Patkanov 1901: 319]. В авторитетном 17-томном *Словаре чувашского языка* Н. И. Ашмарина, в частности, написано, что слово *талай* — неизвестного происхождения. Однако приводится пример, зафиксированный в с. Сунчелеево Чистопольского у. Казанской губ.: *Вёс, вёс, аккйш, вёс, аккйш, талай хирне үк, аккйш* [Ашмарин 1937: 165]. В Чувашско-русском словаре дается следующий перевод приведенного предложения: «Лети, лети, лебедь, и долети до полей неведомого края» [Скворцов 1985: 440]. Однако *хир* может означать не только ‘поле’, но и ‘степь’. Так, низовых чувашей называют *хирти*, что лучше переводить не как ‘полевые чувашаи’, а как ‘степные чувашаи’. Хотя в чувашском языке для понятия ‘степь’ имеется более конкретизированное словосочетание *сесен хир*, слово *хир* может быть использовано и без уточняющего слова *сесен*. Поэтому приведенное предложение вернее переводить так: «Лети, лети, лебедь, лети, лебедь, долети до степного края». Таким образом, можно констатировать, что слово *талай* как у хантов, так и у чувашей обозначает степь, где можно выгуливать табуны лошадей. Как и в чувашском языке, в языке обских угров имеет место замена исконного звука *х* тюркским *к*. Например, река *Xūnda* или *Xanda* [Patkanov 1900a: 438] — левый приток Иртыша — теперь более известна как *Konda*. Для иллюстрации чувашского примера обычно приводят *кыз* в тюркских языках и *хёр* — ‘девушка’ в чувашском языке’, а также *секиз* — *саккёр* ‘восемь’ и т. д.

В. Н. Чернецов, З. П. Соколова и другие исследователи обобщенно писали о двух фратриях хантов и манси — *Пор* и *Мось*. Притом *мось* и восточно-хантыйская *монтъ* тесно связаны с эт-

нонимом *манси*, а также с первой частью эндоэтнонима венгров — *magyar* (*мадь-яр*). Это ностратический корень со значением ‘сказать, говорить’. Петер Вереш полагает, что древнеугорская праформа **mańćэ-* — исходный корень для этнонимов манси и венгров, а также для фратриального названия *мось*. «Итак, вышперечисленные названия этнонимов и фратрий этимологизируются как “говорящий человек”» [Вереш 2010: 57]. До П. Вереша название фратрии **mańćэ-*, а также этнонимы *манси* и *magyar* считались заимствованиями из древнеиранского языка. При этом предшественники П. Вереша ссылались на аналогии финно-угорских этнонимов *мари*, *меря*, *мордва*, *удмурт*, которые означают ‘человек, мужчина’. П. Вереш предостерегает еще от одной возможной этимологической ошибки. Русское написание этнонима *мадьяр* ошибочно связывают с казахским названием *мадияр* — (*madiyār*), то есть *Мухамедьяр*. Так его трактовали в свое время венгерские исследователи Тибор Тота и Янош Харматта, которые увязали происхождение венгров с тюркскими народами на юге Западной Сибири и Средней Азии. Однако слово *madiyār*, встречающееся на надгробных надписях казахов, означает, что в могиле лежит правоверный мусульманин.

Эти примеры ярко иллюстрируют тот факт, что и сегодня, изучая этническую историю, некоторые исследователи пытаются оттолкнуться от тезиса, согласно которому «венгры, генетические родственники чувашей, — исконный тюркоязычный народ». Здесь уместно вспомнить мнение Андраша Рона-Таша, который полагал, что язык венгров был финно-угорским языком, но их этнос — тюркизированным финно-угорским народом, так как венгры долгое время жили внутри племенных союзов оногуров и других тюрков. В языковом отношении и с точки зрения самосознания венгры — финно-угры, но их вожди и господствующая общественная верхушка были тюрками [Róna-Tas 1988b: 107–142]. А. Рона-Таш доказывает несостоятельность гипотезы, ставшей уже традиционной, о ранних тюрко-венгерских контактах. Как и Золтан Гомбоц, он считает, что тюрко-венгерские языковые контакты продолжались с 500 по 1000 гг. н. э. Признаков влияния тюрков в более ранний или

более поздний периоды венгерский материал не содержит [Róna-Tas 1997: 49–60].

Й. Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе — *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Дюла Немет указывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi*. Этноним венгров *savardi* автор отождествлял с этнонимом *savir: Sabir* — это самоназвание народа, о чем свидетельствует и топоним былого проживания сабиров в Западной Сибири — *Šabar* [Németh 1929: 81–86; Дмитриева, Адягаши 2001: 62–63]. Этот этноним в форме *savard* сохранился и в собственно венгерской традиции, а именно в старом личном имени *Zuard/Zoward/Zovard*. В. П. Шушарин полагал, что саварты — это мадьярские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии [Шушарин 1997: 112, 157, 159]. Одновременно следует избегать попыток установления прямого генетического родства между венграми и гуннами. По этому поводу Петер Хайду справедливо заметил, что лат. *hungarus* и восходящие к нему названия венгров в западноевропейских языках (англ. *hungarian*, франц. *hongrois*) содержат вставленный позднее начальный *h*, который появился из-за путаницы с названием гуннов — *hunni* [Хайду 1985: 15].

Опираясь на работы Золтана Гомбоца, Петер Вереш считает, что 300 венгерских слов, родственные с чувашской лексикой, были общими или были заимствованы у предков чувашей не позднее середины I тыс. н. э. [Вереш 1996: 27]. Это термины земледелия, скотоводства, виноделия и садоводства. А филолог Юдит Дмитриева-Салонтаи полагает, что у чувашей и венгров 500 общих слов. Более того, логично предполагать, что в указанное П. Верешом время, то есть до середины I тыс. н. э., чувашаи и мадьяры говорили на одном праязыке. Этот же язык был материнским и для остяков, и для вогулов. Кстати, В. В. Напольских считает, что совпадение лексем венгерского и обско-угорского языков составляет около 34 % [Напольских 2002: 197]. Сотни примеров общей чувашско-венгерской лексики ни у кого не вызывают сомнения. Так, дохристианское мужское имя *Tevel* имеется в обоих языках. В числе венгерских слов, имеющих однозначные чувашские соответствия, Андраш Рона-Таш называет: *borjú* ‘теленок’,

ср. чуваш. *năpy*; *kölcsön* ‘долг’, ср. чуваш. *кивçен*; *serke* ‘гнида’, ср. чуваш. *шăрка*; *sár* ‘болото’, ср. чуваш. *шур*; *szél* ‘ветер’, ср. чуваш. *çил*; *gyűrű* ‘кольцо’, ср. чуваш. *çĕрĕ*; *tiló* ‘мялка’, ср. чуваш. *тылă*; *gyertya* ‘свеча’, ср. чуваш. *çурта*, и т. д. [Róna-Tas 1988a: 742–759]. Свидетельством существования коневодства у угров и чувашей является наличие общих названий для лошади и упряжи: венг. *ló*, манс. *lū*, хант. *law*, чуваш. *laša* ‘лошадь’; венг. *nyereg*, манс. *nęwră*, хант. *поҫер*, чуваш. *йĕнер* ‘седло’. Явные этимологические и семантические соответствия наблюдаются между чувашским *халал* — ‘благословение’ и венгерским *halal* — ‘смерть, конец, гибель’. Здесь прослеживается связь между прощением и благословением, ибо прощение может быть проявлено в момент смерти, ухода девушки-невесты из дома, во время проводов в солдаты. Опираясь на опыт предшественников, а также на собственные исследования, З. Гомбоц пришел к выводу, что венгерский язык правильно определен как член финно-угорской семьи, его тюркские элементы являются заимствованными [Gombocz 1912: 1–34].

Как показывают раннесредневековые источники, в гуннскую конфедерацию входил ряд угорских племен. О том, что эти племена — угры, говорят их этнонимы, например *биттугуры* (у Иордана и Агафия), *кутригуры* (у Прокоприя, Агафия и Менандра), *огуры* (у Приска и Менандра), *оногуры* (у Приска, Агафия, Феофилакты Симокатты), *сарагуры* (у Приска). При этом *огуры* означает ‘быки’. На тот факт, что эти племена не тюрки, указывает *ротацизм* (у тюрков было бы *огузы*). Так, *сараугры* значит ‘желтые угры’. Однако позже, уже в Восточной Европе, гунно-огуры смешались с тюркскими племенами. Как результат, мы имеем тюрко-угорские этнонимы. По мнению К. И. Иречка, хазары также принадлежали к угорской ветви финского племени [Иречек 1878: 160].

Еще Йозеф Буденц и Золтан Гомбоц указывали на нетюркские заимствования в венгерском языке [Budenz 1873; Gombocz 1912]. Они обратили внимание на случаи, когда пратюркское *z заменяется *r*. Как писал Й. Буденц, по фонетическому облику тюркских заимствований венгерского языка можно установить, какой из тюркских языков служил их источником. Таким источником

Й. Буденц однозначно определял древнечувашский язык, характерным фонетическим критерием которого является соответствие общетюркского *z* и *r*, а также исчезновение общетюркского конечного гуттурального *k* с сохранением конечного гласного. Общетюркскому анлаутному заднеязычному *q*- в чувашском языке соответствует звук *x* [Budenz 1873: 67–135; Дмитриева, Адягаши 2001: 13]. Конечно, правило замены тюркского *z* (зетаизм) чувашским *r* (ротаизм) и другие фонетические законы проявляются и в более ранних источниках. Следует обратить внимание на лексику хантыйского и мансийского языков. Здесь совершенно идентичная ситуация. Например, имеются следующие соответствия: чуваш. *пёр*, хант. *пёр* ‘единый’; чуваш. *торна*, хант. *тор* ‘журавль’; чуваш. *сёррё*, манс. *сури* ‘кольцо’; чуваш. *авёр*, манс. *авар*, хант. *аор* ‘омут’; чуваш. *тар*, хант. *тāра* ‘порох’; чуваш. *пёр*, хант. *пор* ‘сверлить’ и т. д. Таким образом, угорские и чувашский языки следует назвать *r*-языками. Этот вывод играет важную роль в определении их древнейшего родства. По крайней мере, чувашско-угорское родство восходит ко времени до нашей эры. Ханты и манси, как и чувашаи, не выговаривают звонкие согласные в заимствованных словах (*трукой*, *лешит*, *те- лать*).

«Савиры были выходцами из Западной Сибири и, видимо, принадлежали к угорской или южной ветви самодийской группы», — считал Л. Н. Гумилев [Гумилев 2007: 261]. Сравнительный материал действительно свидетельствует, что сеперы/савиры в языковом отношении являлись уграми.

Библиография

Ашмарин 1937 — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Вып. 13.

Баландин, Вахрушева 1958 — *Баландин А. Н., Вахрушева М. П.* Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Л., 1958.

Бояршинова 1959 — *Бояршинова З. Я.* О происхождении и значении слова «Сибирь» // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1959. № 3. С. 101–110.

Вереш 1996 — *Вереш П.* Древневенгерская эпоха // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1996. Т. 41. С. 11–40.

Вереш 2010 — *Вереш П.* Эмпирические и методологические проблемы интердисциплинарного исследования в области финно-угористики // *Этнокультурное наследие народов Севера России*. М., 2010. С. 56–69.

Гумилев 2007 — *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 2007.

Дмитриева, Адягаши 2001 — *Дмитриева Ю., Адягаши К.* *Hungaro-Tschuvaschica*: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары, 2001.

Иречек 1878 — *Иречек К. И.* История Болгар. Одесса, 1878.

Мосин 2008 — *Мосин А. Г.* Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008.

Напольских 2002 — *Напольских В.* Предыстория народов уральской языковой семьи // *История татар с древнейших времен*: в 7 т. Казань, 2002. Т. 1. С. 195–203.

Патканов 1999 — *Патканов С. К.* Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Очерк колонизации Сибири.

Патканов 2003 — *Патканов С. К.* Сочинения. Тюмень, 2003. Т. 5.

Скворцов 1985 — *Чувашко-русский словарь* / Под ред. М. И. Скворцова. М., 1985.

Федорова 1998 — *Федорова Е. Г.* Люди Пор и Мось в представлениях манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // *Материалы полевых этнографических исследований*. СПб., 1998. Вып. 4. С. 124–134.

Хайду 1985 — *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

Шушарин 1997 — *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997.

Budenz 1873 — *Budenz J.* Jelentés Vámbéry Ármin Magyar-török szöveggyezéseiről // *Nyelvtudományi közlemények*. 1873. Köt. 10. O. 67–135.

Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.

Marquart 1903 — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historischtopographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903.

Munkácsi 1895 — *Munkácsi B.* Az “ugor” népnevezet eredete // *Ethnographia*. 1895. Köt. 6. O. 349–387.

Munkácsi 1905 — *Munkácsi B.* Čuwaš. *kil* „Haus“ // *KS*. 1905. Köt. 6. S. 184.

Németh 1929 — *Németh G.* Szabirok és magyarok // *Magyar Nyelv*. 1929. Köt. 25. O. 81–88.

Patkanov 1900a–1901 — *Patkanov S.* Irtisi-osztják szójegyzék (I–V) // Nyelvtudományi közlemények. 1900. Köt. 30. O. 407–457; 1901. Köt. 31. O. 55–84, 159–201, 291–330, 424–462.

Patkanov 1900b — *Patkanoff S.* Über das Volk der Sabiren // KS. 1900. Köt. 1. S. 258–277.

Patkanov 1900c — *Patkanov S.* Szabirok nemzetisége (Első közlemény) // Ethnographia. 1900. Köt. 11. O. 337–344, 385–389.

Pritsak 1976 — *Pritsak O.* From the Säbirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in Honor of Julian Németh. Budapest, 1976. P. 17–30.

Róna-Tas 1988a — *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences. Leiden, 1988. P. 742–780.

Róna-Tas 1988b — *Róna-Tas A.* Ethnogenese und Staatsgründung: Die türkische Komponente in der Ethnogenese des Ungartums // Studien zur Ethnogenese. Opladen, 1988. Bd. 2. S. 107–142.

Róna-Tas 1997 — *Róna-Tas A.* Török nyelvi hatások az ösmagyar nyelvre // Honfoglalás és nyelvészet. Budapest, 1997. O. 49–60.